

Лаврив Анна Степановна

СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье исследуются характерные признаки преступлений экстремистской направленности как уголовно-правовой категории; выявляются основные черты, обуславливающие их сущность, в качестве основного признака рассмотрен специфический мотив данных преступлений, являющийся квалифицирующим признаком. Обозначены особенности, которыми характеризуется подобный мотив. Также предлагается определение преступлений экстремистской направленности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 116-119. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 327

В статье исследуются характерные признаки преступлений экстремистской направленности как уголовно-правовой категории; выявляются основные черты, обуславливающие их сущность, в качестве основного признака рассмотрен специфический мотив данных преступлений, являющийся квалифицирующим признаком. Обозначены особенности, которыми характеризуется подобный мотив. Также предлагается определение преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова и фразы: преступления экстремистской направленности; экстремистский мотив; квалифицирующий признак; сущность преступлений экстремистской направленности.

Анна Степановна Лаврив

*Омский областной центр социально-психологической помощи несовершеннолетним и молодежи
lavrivanna@mail.ru*

СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ[©]

Первые упоминания термина «экстремизм» и однокоренных с ним слов в отечественном законодательстве были сделаны еще в Указе Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации»; в Постановлении Правительства Российской Федерации от 10 марта 1999 г. № 270 «О федеральной целевой программе по усилению борьбы с преступностью на 1999-2000 годы».

За более чем десятилетнюю историю существования этого понятия были сделаны многочисленные попытки внести ясность в понимание «экстремизма», но научные споры и разногласия существуют до сих пор.

Необходимо констатировать, что эффективная борьба с данным явлением должна начинаться с четкого и ясного законодательного закрепления механизмов борьбы с ним, в том числе и с правильного определения понятия «экстремизм» и производных от него, выявления его сущности.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» исходит из толкования экстремизма как деятельности, простым перечислением деяний, не раскрывая сущности экстремизма.

УК РФ 1996 года содержит понятие «преступление экстремистской направленности» (а не «экстремистская деятельность» как упомянутый выше закон), а точнее – «преступления экстремистской направленности». При этом оговоримся, что в настоящий момент такое понятие как «преступление экстремистской направленности» в единственном числе, как уголовно-правовая категория, характеризуемая определенными признаками, в действующем законодательстве отсутствует.

Характеризуются данные преступления наличием специфического мотива – мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Как нам представляется, подход, обозначенный в Уголовном кодексе, является наиболее удачным, так как определение преступления на почве экстремизма как совершенного со своей особой мотивацией, присущей только данной категории преступлений, наиболее близко к раскрытию сущности такого явления как «экстремизм», на что автором уже обращалось внимание ранее [7, с. 140-147].

В настоящий момент к «преступлениям экстремистской направленности» относятся, во-первых, те составы преступлений, в которые упомянутый мотив был введен в качестве обязательного квалифицирующего признака (например, ст. 105 «Убийство», ст. 214 «Вандализм» - всего около 10 составов); а также как было разъяснено Постановлением Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» 28 июня 2011 года, но и иные преступления, совершенные по такому мотиву [8, п. 2].

Мотив преступления в принципе можно охарактеризовать как побуждение к совершению преступления, являющееся сложным психолого-юридическим понятием, входящее в структуру субъективной стороны преступления в качестве факультативного либо обязательного (как в нашем случае) признака.

В юридической литературе нет единого понимания мотива и мотивации преступного поведения, несмотря на давнюю историю исследования, вопросы мотивации преступного поведения рассматривали Ю. М. Антонян, Е. В. Ворошилин, Л. Д. Гаухман, П. С. Дагель, М. С. Каган, В. И. Ковалев, Г. А. Кригер, В. Н. Кудрявцев, А. В. Наумов, А. И. Рарог, С. А. Тарарухин, И. Г. Филановский, Б. В. Харацишвили, Б. С. Утевский.

С интересных позиций рассматривает мотив преступления А. П. Козлов, говоря о двух уровнях мотивации преступного поведения.

На первом уровне происходит осознание потребности, т.е. формируется стремление к достижению желаемой цели. Данный мотив может быть любым (и корысть, и ненависть к конституционному строю). По мнению автора, этот мотив не негативен, не позитивен, он социально нейтрален, и будет оставаться таким до тех пор, пока субъект не перейдет к действию, более того – к преступному действию [5, с. 527-545]. На втором же уровне происходит выбор способа удовлетворения опредмеченной потребности, достижения цели, т.е. выбора преступного либо законопослушного поведения.

По мнению А. П. Козлова, круг мотивов выбора преступного поведения гораздо уже круга мотивов вообще, к ним автор относит мотивы самоутверждения, восстановления социальной справедливости, стремления к самосохранению.

На наш взгляд, именно в указанном контексте и следует говорить о подлинно экстремистском мотиве. Экстремистский мотив представляет собой определенный образ мысли, основанный на устойчивой, формирующейся либо уже сформировавшейся в сознании лица системе ценностей; способ решения проблем, предопределяющий выбор преступного поведения. Лицо выбирает преступное поведение, нарушение закона в силу того, что он приемлет для себя только категорический способ решения проблемы, когда видит только «черное» и «белое». Именно поэтому массу вопросов вызывает квалификация «экстремистского» хулиганства, так как хулиганство уже само по себе совершается со своим специфическим хулиганским мотивом.

«Экстремистский» мотив сейчас, с точки зрения законодателя, это мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Однако в действительности же экстремистский мотив можно охарактеризовать также как крайнюю, обостренную форму какого-либо чувства (например, фанатичная любовь или приверженность, в противопоставление ненависти), крайне грубое, ярко выраженное, циничное, категоричное отношение к общепризнанным нормам и ценностям, охраняемым государством и законом, крайнее, бескомпромиссное противопоставление себя существующим нормам, полное отрицание, выходящая за грани форма приверженности к взглядам, идеям, способам.

Закон говорит о двух составляющих этого мотива – ненависти и вражде, с нашей точки зрения, – явлениях взаимосвязанных. И если ненависть представляет собой категорию субъективную, то вражда является объективным выражением или «продолжением» ненависти.

П. А. Кабанов, анализируя политическую ненависть и вражду, говорит о том, что «...политическая ненависть как мотив преступлений экстремистской направленности – это внутреннее, осознанное побуждение лица совершить преступление в силу неприязни к конкретным лицам или их общностям, конкурирующим в борьбе за власть, придерживающимся иных политических взглядов либо безразлично относящимся к политической жизни... политическая ненависть – это внутреннее состояние человека, а политическая вражда – внешнее проявление или следствие этой ненависти, искусственно провоцирующее ответную политическую ненависть других лиц к ее носителям и распространителям» [4, с. 34].

Проанализировав составы преступлений, в которые исследуемый мотив был введен непосредственно в качестве квалифицирующего признака (преступлений экстремистской направленности), можно прийти к следующим выводам. Большинство данных преступлений (статья 105 УК РФ «Убийство»; статья 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; статья 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»; статья 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью»; статья 116 УК РФ «Побои»; статья 117 УК РФ «Истязание»; а также статья 214 УК РФ «Вандализм» и статья 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения») характеризуются наличием деструктивных последствий для потерпевшего (стремлением лица причинить такие последствия) либо возможностью причинения подобных последствий (статья 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»).

В связи с чем можно отметить, что экстремистский мотив, которым руководствуется лицо в своих действиях, характеризуется стремлением к «расправе» с потерпевшим, к причинению физических либо нравственных страданий, к физическому или психическому воздействию на потерпевшего либо уничтожению самого потерпевшего или того, что непосредственно с ним связано (будь то места захоронения или религиозные сооружения), что свидетельствует о деструктивно-деятельном характере экстремистского мотива. Экстремистский мотив предполагает некую активность, направленную в сторону потерпевшего либо связанных с ним предметов.

Однако, из вышесказанного возможны исключения. Яркий, на наш взгляд, пример – неоказание помощи больному (статья 124 УК РФ «Неоказание помощи больному»). Безусловно, это преступление может быть совершено по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Данный мотив обуславливает разрушительное, агрессивное поведение лица, ненависть – острое чувство неприязни, вражда же есть форма выражения ненависти, причем нередко сопровождаемая насильственными действиями, вражда – своего рода способ взаимодействия, общения между людьми, несущий социально негативный характер. Ненависть – чувство, обуславливающее действие, выражающееся во враждебных действиях по отношению к потерпевшему (потерпевшим). Вражду также можно рассматривать как определенное состояние, которое можно охарактеризовать нестабильностью, «натянутостью» отношений, агрессией, а также возможно психическим или физическим насилием, либо физическим воздействием.

Ненависть и вражда обусловлены неприятием, отрицанием чужой культуры, ее незнанием, страхом перед «иными», ощущением превосходства перед «другими». А. И. Рарог относит данный мотив к «низменным побуждениям» уже на том основании, что он является квалифицирующим признаком преступления (обуславливает квалифицированность деяния) [9, с. 113-114].

Толкование данного мотива в рамках применения уголовного закона вызывает немало вопросов: необходимо детально и тщательно исследовать понятия ненависти и вражды, лежащие в основе экстремистского мотива, потребности, обуславливающие побудительное действие «экстремистского» мотива.

Особый экстремистский мотив, объединяющий весьма разнообразные с точки зрения объективной стороны деяния, предполагает достаточно высокую степень общественной опасности данной категории преступлений.

Характер и степень общественной опасности «экстремистских» преступлений также должен учитываться при разработке и утверждении системы профилактики проявлений экстремизма в современном обществе.

Преступление экстремистской направленности – это преступление экстремистского мотива, соответственно его сущность заключена в мотиве как основном квалифицирующем признаке, основном, но не единственном. Экстремистский мотив обуславливает наличие иных признаков преступления экстремистской направленности, тесно с ним взаимосвязанных.

Экстремистский мотив – это причина, по которой выбирается преступный способ поведения лица, это мотив выбора преступного поведения. Экстремистский мотив, основанный на приверженности к определенной системе взглядов, предполагает способ, образ мысли, обуславливает определенное состояние взаимодействия (вражда в нашем случае), которое и подталкивает лицо к совершению преступления.

В контексте рассмотрения преступлений экстремистской направленности как «преступлений мотива» можно ставить вопрос об особом характере и степени общественной опасности данной категории преступлений.

Кроме того, экстремистский мотив обуславливает умышленную форму вины в преступлениях экстремистской направленности, соответственно из круга преступлений экстремистской направленности исключаются все неосторожные деяния. Опасность преступления заключена в возможности причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям – и состоит основная опасность преступного деяния. Существо экстремистского мотива как побудительного стимула к действию предполагает, как мы уже отмечали, действия либо бездействия, направленные на причинение нравственных либо физических страданий потерпевшему (потерпевшим), вплоть до физического устранения лиц по признаку политической, идеологической принадлежности, расы, национальности, принадлежности к социальной группе.

Далее, проанализировав составы преступлений, в которые исследуемый мотив был введен непосредственно в качестве квалифицирующего признака, уже упомянутые нами выше, с точки зрения объекта посягательства, несложно заметить, что основные непосредственные объекты посягательств у данных составов различны (хотя, безусловно, можно отметить идентичность объектов преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РФ «Убийство»; ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; ст. 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»; ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью»), но, с учетом мнения, высказанного Пленумом ВС РФ в Постановлении «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», можно прийти к выводу, что преступлением экстремистской направленности может быть деяние, имеющее любой основной непосредственный объект посягательства.

Тем не менее при совершении преступления экстремистской направленности путем убийства либо вандализма, либо даже путем не оказания помощи больному страдает одна и та же группа общественных отношений – существующие в обществе и нормально складывающиеся отношения между политическими институтами и общностями, представителями различных идеологий, расами, национальностями, представителями различных религий либо социальных групп.

Соответственно можно говорить о том, что все преступления экстремистской направленности имеют свой специфический дополнительный объект, который является обязательным для квалификации данных преступлений. Данный объект страдает при совершении любого преступления по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Обобщая сказанное выше, можно сделать вывод о том, что преступления экстремистской направленности представляют собой самостоятельную категорию преступлений, характеризующуюся наличием системы признаков, характерных для данной категории преступлений, центральным из которых является специфический мотив, сопряженный с причинением страданий и «неудобств» потерпевшим, а также физическим воздействием, что обуславливает характер и степень общественной опасности этих преступлений, а также нарушение определенной группы общественных отношений, связанных с нормальным сосуществованием в едином социальном пространстве представителей различных политических групп, идеологий, рас, религий и национальностей.

Список литературы

1. **Ворошилин Е. В., Кригер Г. А.** Субъективная сторона преступления. М., 1987.
2. **Дагель П. С.** Классификация мотивов и ее криминологическое значение. Иркутск, 1968.
3. **Дагель П. С., Котов Д. П.** Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.
4. **Кабанов П. А.** Политическая ненависть или вражда как мотив преступления // Российская юстиция. 2008. № 3. С. 34-35.
5. **Козлов А. П.** Понятие преступления. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 819 с.
6. **Кригер Г. А.** Понятие и содержание вины в советском уголовном праве // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1983. № 5.
7. **Лаврив А. С.** К проблеме мотивов экстремистской деятельности // Противодействие этническому и религиозному экстремизму: сборник материалов научно-практической конференции / отв. ред. проф. М. П. Клейменов, доц. М. С. Фокин. Омск: Омск. гос. ун-т, 2008. 157 с.
8. **О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности** [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда РФ № 11 от 28.06.2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. **Рарог А. И.** Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие. М.: ТК «Велби»; Проспект, 2006. 219 с.
10. **Тарарухин С. А.** Установление мотива и квалификация преступления. Киев, 1977.

ESSENTIAL FEATURES OF EXTREMIST CRIMES

Anna Stepanovna Lavriv

*Omsk Regional Centre of Social and Psychological Assistance to Juveniles and Young People
lavrivanna@mail.ru*

The author studies the specific characteristics of extremist crimes as a criminal-legal category, reveals the main features which conditioned their essence, considers these crimes specific motive as the main characteristic, which is a qualifying one; specifies the features that characterize such a motive, as well as suggests the definition of extremist crimes.

Key words and phrases: extremist crimes; extremist motive; qualifying characteristic; extremist crimes essence.

УДК 327.8

«Ядерное досье» Ирана относится к категории наиболее острых проблем современных международных отношений с точки зрения обеспечения режима нераспространения оружия массового уничтожения. В статье рассматриваются ключевые этапы реализации ядерной программы Ирана, реакция США, России и стран Запада относительно возможных последствий её осуществления. В качестве исследовательской задачи авторами была определена попытка оценить политику давления мирового сообщества на Иран с точки зрения её эффективности.

Ключевые слова и фразы: российско-иранские отношения; сотрудничество в ядерной сфере; США; ЕС; Россия; санкции; ядерное оружие; АЭС.

Екатерина Викторовна Лебедева**Александр Васильевич Борков**, д.и.н.*Кафедра основ внешней политики и безопасности России**Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского**Klv_winter@mail.ru***ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА:
ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ И РЕАКЦИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА[®]**

Вероятный ядерный потенциал Ирана может представлять собой угрозу обеспечения международной безопасности. Однако он формировался в течение достаточно длительного периода времени и прошел определенные этапы на пути своего становления. Поэтому цель предлагаемой статьи – рассмотреть историю возникновения и развития ядерной программы Исламской Республики Иран (ИРИ), оценить ее результаты, а также изучить отношение к иранскому проекту атомных исследований ведущих стран мира.

Впервые иранское руководство проявило интерес к атомной проблематике в 50-е годы XX века. В этом оно нашло поддержку со стороны его тогдашнего союзника в лице США. В итоге, в 1959 г. тегеранскому университету был предоставлен американский реактор малой мощности в рамках программы «Atom for Peace», о которой объявил президент США Д. Эйзенхауэр в декабре 1953 г. Однако постоянно возрастающие доходы от экспорта нефти, а также желание видеть Иран в качестве лидера ближневосточного региона подтолкнули шаха Реза Пехлеви к увеличению атомного потенциала Республики. В его планы входило создание «полномасштабной промышленности ядерной энергетики с мощностью выработки 23 тысяч мВт электричества» [8]. Отметим, что в 1974 г. Тегераном был принят План развития ядерной энергетики, который предполагал сооружение 23 ядерных реакторов общей мощностью более 20 ГВт, а также создание замкнутого ядерного топливного цикла (ЯТЦ) [4, с. 39], что послужило началом первого этапа строительства атомных энергоблоков в Иране. В это время здесь активно действовали такие страны как Германия, США и Франция, поскольку в самом Иране была острая нехватка специалистов-ядерщиков, технологий, а также необходимого для реакторов топлива. В 1977 г. Организация атомной энергии ИРИ имела более 1500 сотрудников и бюджет около 1,3 млрд долларов, будучи одной из наиболее финансируемых структур в стране [16]. Шах Пехлеви организовал обучение специалистов-атомщиков по всему миру, начав интенсивный поиск урановых рудников в Исламской Республике и создание нескольких ядерных исследовательских центров, старейший из которых находится в Тегеране.

В тот момент иранские планы по созданию атомной промышленности не вызывали каких-либо опасений мирового сообщества, так как Иран в 1970 г. ратифицировал соглашение о присоединении к многостороннему Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г., а затем подписал Дополнительные протоколы по гарантиям и открыл специалистам Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) доступ на заявленные объекты с целью инспекции. Шах неоднократно подчеркивал, что Иран должен пользоваться полными правами в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) – соглашения, призывающего неядерные государства к отказу от стремления обладать ядерной бомбой взамен на получение облегченного